

DOI 10.32726/2411-3417-2022-4-47-60

УДК 94; 327

АРТЕМ БАРЫНКИН, ИРИНА НОВИКОВА

История и политика в современных российско-польских отношениях

Аннотация. Вопросы истории занимают особое место в современных российско-польских отношениях и служат предметом острых противоречий. Польше принадлежит пальма первенства в институционализации исторической политики, которая выстроила международную идентичность страны на образе «жертвы» и имеет выраженную конфронтационную направленность. Казавшиеся прежде комичными попытки шантажа Германии и России по вопросу репараций приобретают новое звучание в современных реалиях. Переходящее все границы вмешательство Польши на Украине, невиданный рост военного бюджета на 2023 год, амбициозно-агрессивные заявления польских политиков и военных экспертов — все это вызывает аналогии с безрассудством политики Варшавы перед Второй мировой войной и предвещает серьезные испытания для всей Европы.

Ключевые слова: Россия, Польша, историческая политика, трансформации, политика памяти.

Вопросы истории занимают особое место в современных российско-польских отношениях. Драматичные события, связанные в первую очередь со Второй мировой войной, до сих пор служат предметом острейших дискуссий. Взаимные упреки, прикрываемые поиском исторической «правды», на протяжении десятилетий сопровождают развитие двусторонних отношений.

Причины следует искать в первую очередь в сложных трансформационных процессах, имевших место в странах бывшего социалистического лагеря. Произошли глубинные изменения во всех сферах жизни обществ, политическая элита которых декларировала переход к рыночной экономике и демократии. В таких условиях сохранение прежних идеологических парадигм, ценностных установок и ориентиров стало невозможным. Демонтаж социализма предполагал поиск новых мировоззренческих концепций.

Сведения об авторах: БАРЫНКИН Артем Владимирович — доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат исторических наук, avbarinkin@yandex.ru. НОВИКОВА Ирина Николаевна — профессор, декан факультета международных отношений, Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, irina-nowikowa@mail.ru.

Нереализованный шанс?

В этом отношении исходные позиции российской и польской сторон были в некоторой степени схожи. Стихийная «декоммунизация» имела место как в Польше, так и в СССР/России. В сентябре 1991 г. Ленинград был переименован в Санкт-Петербург, Свердловск — в Екатеринбург. В Москве были демонтированы памятники Я.М. Свердлову, М.И. Калинин и Ф.Э. Дзержинскому. Борьба с монументами прошлой эпохи проходила на фоне острого политического кризиса августа 1991 г. В Польше были снесены памятники маршалам И.С. Коневу (демонтирован в 1991 г. в Кракове) и К.К. Рокоссовскому (демонтирован в 1992 г. в Легнице).

Процесс, названный С. Хантингтоном консолидацией демократии, ставил новую власть перед сложнейшим вопросом: как следует поступить с представителями прежнего политического режима? В странах бывшего социалистического лагеря, согласно Хантингтону, главным препятствием к демократизации была всеобъемлющая практика сотрудничества со специальными службами, что ложилось черным пятном и на биографии политиков новой волны [Хантингтон, с. 249]. Польский премьер Тадеуш Мазовецкий во избежание раскола в обществе в 1989 г. дал ясный ответ на соответствующий вопрос: «Под прошлым мы подводим жирную черту. Мы будем отвечать лишь за то, что сделали для того, чтобы вывести Польшу из состояния излома. Я осознаю, что для моих соотечественников сегодня самым важным является вопрос о том, может ли быть лучше» [«Przeszłość odkreślamy grubą linią»...]. Речь Т. Мазовецкого вполне могла дать направление развитию внутренней и внешней политики обновляемой Польши. Весьма показательно, что в этой стране длительное время тормозилось принятие закона о люстрации¹, а полемика относительно того, как следует поступать с бывшими сотрудниками государственного аппарата, армии и службы безопасности ПНР, растянулась на несколько десятилетий [См.: Sroka; В Польше снизят...], периодически накаляя общественные настроения. В данной связи можно вспомнить многочисленные судебные процессы с участием последнего президента ПНР и первого президента посткоммунистической Польши Войцеха Ярузельского в качестве обвиняемого, а также инициативу лишения генеральского звания единственного польского космонавта Мирослава Гермашевского. В России борьба с политической оппозицией приняла более ожесточенный характер, и в частности, подвигла президента Б.Н. Ельцина запретить КПСС и Коммунистическую партию РСФСР. Кульминацией противостояния стал разгон российского парламента в сентябре — октябре 1993 г. и прекращение действия советской модели власти.

В начале 1990-х годов закладывался фундамент отношений современной Российской Федерации и Республики Польша. В 1993 г. в Москве был подписан Договор о дружественном и добрососедском сотрудничестве. В соответствии с пунктом 3 статьи 13 данного договора стороны договаривались «взаимодействовать с целью вы-

1 Успешное принятие люстрационного закона состоялось 11 апреля 1997. [См.: Ustawa z dnia 11 kwietnia 1997...]

явления, сохранения в целостности, введения в культурный оборот находящихся на их территории ценностей, памятников и объектов, связанных с историческим и культурным наследием народов другой Стороны, обеспечения надлежащей правовой, материальной и иной их защиты...». Следуя пункту 1 статьи 17, кладбища, захоронения, памятники и иные мемориальные места, являющиеся объектом уважения и памяти граждан одной из Сторон, как военные, так и гражданские, находящиеся в настоящее время или создаваемые по взаимной договоренности в будущем на территории другой Стороны, должны были «сохраняться, содержаться, находиться под защитой закона в соответствии с международными нормами и стандартами, а также национальными и религиозными обычаями» [Договор...].

Очевидно, что вопросы, связанные с исторической памятью, уже в то время занимали особое место в двусторонних отношениях. 22 февраля 1994 г. было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о захоронениях и местах памяти жертв войн и репрессий [Соглашение...]. Одновременно шла работа по изучению печально известного катынского дела: вслед за М.С. Горбачевым президент Б.Н. Ельцин признал ответственность за советской стороной [Подробнее см.: Яжборовская]. Хорошо известны слова первого президента РФ, которые он произнес у Катынского креста на Повонзковском мемориальном кладбище в Варшаве, расправляя ленты венка: «Простите, если можете» [Бухарин, с. 23]. Свое отношение к катынскому расстрелу выразил и В.В. Путин, будучи премьер-министром РФ. 7 апреля 2010 г. во время посещения мемориального комплекса «Катынь» он сказал: «Десятилетиями циничной ложью пытались замарать правду о катынских расстрелах. Но было бы такой же ложью и подтасовкой возложить вину за эти преступления на российский народ» [Как признавали Катынь]. В период президентства Д.А. Медведева польской стороне было передано 67 томов уголовного дела № 159 по расстрелу польских офицеров в Катыни [Медведев передал...], а 26 ноября Государственная Дума приняла заявление «О Катынской трагедии и ее жертвах». В тексте заявления говорилось: «Наши народы заплатили огромную цену за преступления тоталитаризма. Решительно осуждая режим, пренебрегавший правами и жизнью людей, депутаты Государственной Думы от имени российского народа протягивают руку дружбы польскому народу и выражают надежду на начало нового этапа в отношениях между нашими странами, которые будут развиваться на основе демократических ценностей» [Заявление...].

Заданный в начале 1990-х годов тон отношений представлялся многообещающим. Казалось бы, у России и Польши был уникальный шанс создать отношения на новой — дружественной, взаимовыгодной основе. Как отмечал профессор Ежи Вятр, новым «в польско-российских отношениях после 1989 г. стало то, что они полностью освободились от идеологических элементов» [Вятр, с. 5].

Однако уже в 1990-е годы обозначились и расхождения. В Варшаве негативно оценили как подавление президентом Ельциным сопротивления Верховного Совета в октябре 1993 г., так и первую чеченскую кампанию, виновниками которой почти единодушно объявлялись российские власти [Там же]. Вступление Польши в НАТО

в 1999 г., накануне бомбардировок Югославии, затем поддержка польским президентом А. Квасьневским военной операции США в Ираке красноречиво свидетельствовали о новых приоритетах Варшавы. Не заставила себя долго ждать новая концепция исторического прошлого, поскольку в Польше набирали популярность правоконсервативные силы.

Идеологи партии «Право и справедливость» (ПиС) полагали, что до них в концептуальном отношении господствовала политика «национальной амнезии», к которой они относили и «политику жирной черты» первого «некоммунистического» премьера Т. Мазовецкого, и лозунг «выберем будущее» А. Квасьневского, и деятельность таких общественных фигур, как публицист А. Михник с его «Газетой выборчей» [Лыкошина, с. 171]. На рубеже 2004–2005 гг., вместе с победой партии братьев Качинских, в польском информационном пространстве четко заявила о себе так называемая новая историческая политика. Ее идеологи исходили из того, что «уровень патриотизма в Польше слишком низок, а исторические памятные места поляков, которые могли бы стать фундаментом для новой идентичности и национальной общности, исчезают. Невежество и отсутствие исторической памяти не позволяют пробудить чувство единства нации» [Траба, с. 45].

Польская историческая политика

Термин «историческая политика» имеет немецкие корни. В немецкий политический дискурс он был введен еще в начале 1980-х годов. Для закрепления своего успеха на выборах канцлер Гельмут Коль и ряд его сторонников-историков приняли решение приложить усилия к тому, чтобы пересмотреть причины возникновения нацизма и меру его ответственности за Вторую мировую войну [Миллер, с. 8–9]. Показательно, что в результате острейшего спора Г. Колю пришлось тогда отказаться от проведения такой ревизионистской исторической политики.

В научной литературе не существует единого определения рассматриваемого явления, как и его единого понимания. Польский политолог С. Белень полагает, что «так называемая историческая политика... явилась элементом политического маркетинга» [Bieleń, p. 66]. Другой польский профессор Э. Пончек называет историческую политику способом «ведения политики», в рамках которой достоверные и в разной мере сфальсифицированные и мифологизированные знания становятся инструментарием, средством удержания, получения или участия в распределении власти [Ponczek, s. 7]. Известный российский историк А.И. Миллер определяет содержание исторической политики как «набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие» [Миллер, с. 10]. Оригинальное определение данному явлению дал А.Ю. Бубнов: «в узком смысле историческая политика может пониматься как стратегия укрепления идентичности через позитивную оценку собственной истории в право-консервативном ключе» [Бубнов, с. 6].

Представители академического сообщества, как правило, сходятся в одном: когда ведется речь об исторической политике, мы не изучаем собственно прошлое, как полагается историкам; вместо этого в орбиту внимания ученых попадают интерпретации исторических событий, отвечающие определенной политической конъюнктуре.

Историческая политика — явление многоуровневое и многосоставное. Формируя коллективную память о прошлом, она вкрапляется во все ступени образования: в школах и университетах — посредством обязательной учебной литературы, в исследовательской среде — за счет системы распределения заказов и грантов. В контексте нашей темы заслуживает внимания исследование мифологем, относящихся к России и СССР, в польской учебной литературе, проведенное Д. Карнауховым. Автор приходит к выводу, что в исторической мифологии современной Польши преобладает выраженный антироссийский и антисоветский характер, чему служит школьное историческое образование [подр. см.: Карнаухов].

Неискушенного обывателя историческая политика настигает в музеях, кинематографе, СМИ, на спортивных мероприятиях, посредством монументальной скульптуры, празднования юбилейных дат и т.д. В данной связи показательно мнение Адама Михника: «Нет на свете государства, которое не проводило бы какой-либо “исторической политики”... Следовательно, если появляются требования начать проводить эту самую “историческую политику”, то совершенно ясно, что речь в данном случае идет не о начале, а о переменах — о преподавании иного взгляда на историю, о поклонении другим героям, о сооружении памятников еще вчера отвергаемым людям, о праздновании других исторических юбилеев» [Михник, с. 9]. Разветвленная и укорененная историческая политика находит средства самозащиты — от изоциренного публичного порицания до сложной системы нормативно-правовых актов.

Следует заметить, что в институционализации исторической политики пальма первенства принадлежит все же полякам. В 1999 г. в Польше был основан Институт национальной памяти — учреждения, чья главная задача сформулирована предельно прозрачно и конкретно: сбор и обработка «документов органов государственной безопасности, составленных с 22 июля 1944 г. по 31 июля 1990 г., проведение расследований преступлений нацистов и коммунистов, в том числе преступлений против лиц польского гражданства или граждан Польши других национальностей, совершенных в период с 8 ноября 1917 г. по 31 июля 1990 г.» [О IPN]. На сайте Института национальной памяти в открытом доступе представлен бланк «люстрационного заявления». Желаящий, например, сохранить/получить должность на государственной службе, заполнив документ, подтверждает либо опровергает свою службу в органах государственной безопасности или сотрудничество с последними. Так польские интеллектуалы в тесном сотрудничестве с представителями действующей политической власти создали инструменты кадрового воздействия для давления на своих политических оппонентов на различных уровнях государственной службы.

Польская историческая политика не ограничивается внутренними потребностями и выходит далеко за пределы борьбы за голоса консервативного электората. В международном плане ее отличает выраженная конфронтационная направленность, и главным ее итогом становится усиление напряженности с ближайшими соседями. Например, в 2007 г. в ходе дебатов в Европейском союзе о пропорциях распределения голосов в Совете ЕС премьер Я. Качинский настаивал: «Мы требуем только одного — чтобы нам вернули то, чего нас лишили. Если бы Польша не пережила 1939 — 1945 гг., она была бы сегодня... государством с 66-миллионным населением» [Prezydent...].

В отношении России и Германии польские политики уже не один год периодически выдвигают финансовые претензии. К примеру, еще на пресс-конференции 1 сентября 2017 г. политики партии ПиС убеждали собравшихся журналистов в необходимости взыскания репараций как с Германии, так и с России (по условиям Рижского мира)¹. Отдельные польские историки, чиновники и общественные активисты выступают за получение репараций с России как наследницы СССР, обосновывая это вводом войск СССР на территорию Польши (точнее, включенных в ее состав в 1921 г. Западной Украины и Западной Белоруссии. — Авт.) во второй половине сентября 1939 г. в соответствии с секретным протоколом к пакту Молотова — Риббентропа [См.: Adamski; Powinniśmy... Petition...]. Другие требуют репараций с России как наследницы СССР за период после 1945 г. 1 июля 2017 г., выступая на конвенте коалиции «Объединенные правые», Я. Качинский отметил: «Польша никогда не получала компенсаций за гигантские военные потери... Польша никогда не отказывалась от этих компенсаций. Те, кто так считает (что якобы Польша отказалась от компенсаций. — Авт.) — ошибаются»². 27 июля 2017 г. в эфире «Радио Мария» (адресованного правоконсервативной аудитории) Я. Качинский предупредил, что «польское правительство готовится к историческому контрнаступлению», основанному на получении от Германии «гигантских сумм». А 1 августа 2017 г. заместитель председателя партии «Право и справедливость», министр обороны (2015–2018) Антони Мачеревич, в свою очередь, подчеркнул: «Неправда, что Польское государство отказалось от репараций, которые нам должна была выплатить Германия. Это советская колония под названием ПНР отказалась от соответствующей части репараций, что было связано с фактором тоже марионеточного государства, советской ГДР» [Antoni Macierewicz...]

В 2019 г. по инициативе, в частности, польских депутатов [Wspólny projekt...] Европарламент принял резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» [Rezolucja...]. Авторы документа, в сущности, уравнивали нацистскую Германию и СССР, возлагая на них ответственность за развязывание Второй мировой войны. Тональность резолюции и доводы ее авторов поставили знак равенства между политикой нацистской Германии и Советского Союза накануне войны, деля ответствен-

1 В отношении России речь шла о выплатах по условиям Рижского мира [См.: Jaki o reparaacjach...].

2 По условиям Потсдамской конференции 1945 г. Польше полагалось 15% репараций, выплаченных Германией СССР. В 1953 г. в заявлении польского правительства прозвучал отказ от выплат репараций. Вплоть до начала 2000-х разговоры о каких-либо выплатах польской стороне Варшава не вела.

ность за ее начало между Берлином и Москвой. Российский президент В. Путин не мог оставить в стороне откровенно антироссийские и антиисторические взгляды европарламентариев. 20 декабря 2019 г. он провел в Петербурге неформальный саммит СНГ, который был полностью посвящен восстановлению исторической справедливости, в том числе вопросам роли Европы, и прежде всего Польши, в развязывании Второй мировой войны [Ставка Польше...].

Россия: реактивная историческая политика

Резкая реакция главы России в преддверии 75-летнего юбилея Победы в Великой Отечественной войне представляется необходимой и логичной. Историческая политика ЕС уравнивает жертву и агрессора и ставит под сомнение решающую роль СССР в победе над нацизмом во Второй мировой войне, тем самым обесценивая колоссальные жертвы советского народа, принесенные им на алтарь Великой Победы. Между тем победа над нацизмом является важным фактором консолидации российского общества и Русского мира. Современное российское общество разделено в этническом, религиозном и, особенно, имущественном отношении. В Российской Федерации проживает около 100 коренных народов, т.е. таких, чья основная этническая территория находится в России, и более 60 народов / этнических групп, основная масса соплеменников которых живет за пределами России [Богоявленский, с. 93]. Большинство населения (66–69%) исповедуют православие, 5–6% — ислам, 6–9% являются внеконфессиональными верующими, 10–13% относят себя к атеистам [Мчедлова, с. 163]. Не менее контрастным представляется социально-экономическое положение россиян: по данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата), на I квартал 2019 г. число людей с доходами ниже прожиточного минимума в годовом выражении выросло до 20,9 млн [В России стало...]. При этом, по оценкам аналитиков Высшей школы экономики и Института исследований и экспертизы Внешэкономбанка, 3% самого обеспеченного населения России владеют (по данным на 2018 г.) 89% всех финансовых активов, 92% всех срочных вкладов и 89% всех наличных сбережений [Все, кто...]. В том, что в России на сегодняшний день есть единство народа, убеждена лишь треть россиян (37%) [Народное единство...].

Национальная консолидация в таких условиях затруднительна. Вместе с тем ошибочно думать, что в отечественной практике оперирования прошлым доминирует некая единая стройная концепция. Исследователи А.Ю. Бубнов и О.Ю. Малинова полагают, что с 1991 г. сменились два поколения подходов к интерпретации истории. Условно можно выделить «ельцинский» период, характерной чертой которого был «пафос превосходства настоящего по отношению к прошлому», и период «путинский», неотъемлемой чертой которого является попытка построения идентичности на основе «преемственности, в которой должны были соединиться и царские, и советские, и “демократические” ценности» [См.: Бубнов, с. 6; Малинова, с. 140, 70].

Российская историческая политика, в отличие от польской исторической политики, институционально и концептуально оформлена крайне слабо. Сам термин был введен

в научный и публицистический оборот только на рубеже 2000–2010-х годов [Бубнов, с. 3]. Как утверждает А.Ю. Бубнов, «позднее пробуждение исторической политики в России было связано с реактивным, оборонительным характером действий российских властей, вызванных ужесточением информационных войн и «войн памяти». Циклы российской исторической политики... были привязаны к внешней конфронтации» [Там же, с. 4.].

Данная тенденция отчетливо отразилась на ситуации со школьными учебниками по истории и дискуссией вокруг их унификации. Во время прямой линии с В.В. Путиным 25 апреля 2013 г. президент РФ сетовал на то, что в текущем году «в список рекомендованных учебников истории вошли 65 учебных пособий», тогда как новые учебники должны быть «построены в рамках единой концепции, в рамках логики непрерывной российской истории, взаимосвязи всех ее этапов, уважения ко всем страницам нашего прошлого» [Президент: Учебники...]. Данная задача была поручена Российскому историческому обществу, под патронажем которого разрабатывался историко-культурный стандарт. В соответствии с ним в 2015 г. увидели свет три линейки школьных учебников по истории, выпускаемых тремя разными издательствами [Источник: Минобрнауки...].

Несмотря на противоречивость исторической политики, продуцируемой российским политическим классом, в исторической памяти гетерогенного российского общества присутствуют такие элементы, которые его объединяют и не подвергаются забвению. Исследования ВЦИОМ отчетливо говорят, что в последнее десятилетие неуклонно росла популярность Дня Победы (9 мая): если в 2010 г. этот день в числе самых важных для себя праздников называли 38% респондентов, а в 2014 г. — 53%, то в 2018 — уже 71% [ВЦИОМ выяснил...].

Попытки же внедрения новых праздничных дат вместо традиционных для советского времени праздников вызывают дискуссии в обществе и не всегда способствуют его консолидации. Так, с 2005 г. 4 ноября в России отмечается как День народного единства (в СССР праздничным днем было 7 ноября). В 2018 г. лишь 32% респондентов могли сказать, что празднуется в этот день (в 2017 г. таких было всего 12%) [ВЦИОМ: 32% россиян...]. Сама дата праздника, оспариваемая некоторыми историками, была связана с изгнанием польского гарнизона из Москвы в 1612 г.

Перспективы польско-российских противоречий

В Республике Польша ноябрь тоже богат на праздничные даты, одна из которых — 11 ноября, — как и в случае России, связана с восстановлением государственного суверенитета, которого Речь Посполитая была лишена в XVIII в. вследствие разделов при участии Российской империи. Другими словами, в России и Польше 4 и 11 ноября, соответственно, отмечаются праздники, связанные с освобождением «друг от друга» и, следовательно, восстановлением государственности.

День независимости в Польше традиционно отмечается с большим размахом, в шествиях регулярно принимают участие представители польских (и европейских) пра-

ворадикальных организаций. Столетний юбилей в 2018 г. не стал исключением, его отличительной чертой была практика форсированного расставания с собственным историческим прошлым. Ответственные за идейное наполнение праздничных мероприятий предпочли вычеркнуть все достижения, связанные с периодом освобождения Польши от гитлеровской оккупации и существования ПНР. Декоммунизация, печальным следствием которой было, в том числе, массовое уничтожение памятников благодарности павшим в борьбе с нацистским рейхом красноармейцам, к 31 марта 2018 г. должна была завершить дело «очищения» польских городов и сел от любых следов «ненавистного СССР» [Ustawa z dnia 14 grudnia 2017...].

Формирование исторической идентичности с использованием современных инструментов исторической политики (в правоконсервативном ключе «по-польски») имеет далеко идущие последствия. Как предупреждает профессор Варшавского университета С. Белень, это может приводить к деформации национального интереса, который «определяется как необходимость борьбы с историческими врагами, поджидающими в засаде польскую независимость и суверенитет» [Bieleń, p. 70]. Выразительной иллюстрацией к этим словам может служить появившаяся в 2018 г. на прилавках польских книжных магазинов книга «Почему мы проиграем в войне с Россией», представляющая собой развернутое интервью, взятое Юлиушем Цвелюхом у главнокомандующего вооруженных сил Республики Польша генерала Мирослава Ружаньского. Сквозь всю книгу красной нитью проходит мысль о неизбежности военного противостояния именно с Москвой. Собственно, с этого и начинается интервью. На вопрос «Почему должны были бы напасть именно на нас?» М. Ружаньский, не колеблясь, отвечает: «Польша является единственной страной в регионе, потенциал которой включает силу устрашения России» [Dlaczego... s. 8]. Глубинной основой поведения России на международной арене, по утверждению генерала, является то, что она «все время страдает фантомными болями по потерянной империи» [Ibid, s. 17]. Свои стереотипные доводы (вполне типичные для сегодняшней Польши) генерал подтверждает ссылками на 1939 и 1944 гг.

В 2022 г. польские требования и претензии к соседним государствам приняли ярко выраженный агрессивный характер. На фоне проведения Россией Специальной военной операции (СВО) на Украине и разрастающегося экономического кризиса в ЕС польские власти начали пресловутое «историческое контрнаступление» в отношении Берлина и Москвы [Szczepańska, Miziołek]. Ставки были подняты, и колоссальная сумма, озвученная все тем же Я. Качинским 1 сентября 2022 г., составила 6,2 млрд злотых [Reparacje wojenne...]. Вслед за этим польским МИД была подготовлена нота официальному Берлину с требованием выплат [Oficjalna nota...]. Речь идет о выплате репараций в размере примерно 1,3 трлн евро. Вспомнили в Варшаве и о претензиях к Чехии. Поляки намерены предъявить Праге территориальные претензии за невыгодный, по их мнению, раздел польско-чехословацкой границы в 1950-х годах [Вяткин, с. 4].

Можно заключить, что казавшиеся прежде комичными попытки шантажа Германии и России по вопросу репараций приобретают новое звучание в современных реалиях. «Жертвенный» компонент польской международной идентичности в условиях

геополитических и геоэкономических перемен в ЦВЕ предоставляет Варшаве (ею же сконструированный) шанс на санкционированный Вашингтоном карт-бланш в регионе — несмотря на то, что очерчивание круга геополитических конкурентов и само определение оборонной политики через призму истории представляется здравомыслящим экспертам глубокой архаикой.

Между тем вмешательство Польши в военные действия на Украине постепенно переходит все пределы. Речь идет не только об участии множества польских наемников в операциях ВСУ, но и о поставках вооружений. Утвержденный польским правительством проект госбюджета на 2023 г. предусматривает беспрецедентные для Польши масштабы военных расходов. Только по разделу «Национальная оборона» планируется потратить 97,4 млрд злотых (порядка 20,5 млрд долл.), что уже превышает на 68% прогнозируемую цифру фактических военных трат за 2022 г. Помимо этого, дополнительно будет выделено еще примерно 30–40 млрд злотых из Фонда поддержки вооруженных сил, учрежденного государственным Банком национального хозяйства (Bank Gospodarstwa Krajowego). Таким образом, совокупный объем прямых военных расходов Польши в 2023 г. должен возрасти до 127–137 млрд злотых, удвоившись по сравнению с 2022 г., и достичь, по предварительным оценкам, 3,3% ВВП, а с учетом дополнительных средств — даже 4,3–4,6% ВВП [Ciślak].

При этом численность армии планируется довести до 300 тыс., затем до 400 тыс., а к 2035 г. — до 500 тыс. человек. Польское министерство обороны, про которое сами поляки грустно шутят, что там психиатра на должности министра сменил его пациент (предыдущий министр был по профессии психиатром), скупает огромное количество вооружений у разных стран, превращая польскую армию в «зоопарк» разномодельных видов [Вяткин, с. 4]. Польские военные эксперты призывают закрыть Балтийское море для России и предлагают топить российские корабли в Балтийском море норвежскими ракетами [В Польше грозятся...]. Оголтелая русофобия и амбициозно-агрессивные заявления польских политиков, к сожалению, способны привести страну к военному столкновению с Россией.

Тектонические изменения в системе международных отношений неуклонно влекут за собой смещение привычных европейских акторов с мировой политической арены. В свете этого попытки возвышения Польши над своими соседями и за их счет наносят сокрушительный удар по европейской безопасности, а также обнуляют позитивный опыт сотрудничества Российской Федерации с отдельными государствами ЕС.

Такие тенденции в польской политике наблюдаются далеко не первый год, поэтому не приходится удивляться, что у современной России сложились гораздо более развитые экономические связи с другими европейскими странами, включая те, противостояние с которыми носило антагонистический характер в годы Второй мировой войны. В этом отношении весьма показателен объем товарооборота. Например, за январь–октябрь 2018 г. он составил, в млн долл. США: с Германией (население — 82,8 млн чел.) — 49,8; с Австрией (8,8 млн чел.) — 4,7; с Финляндией (5,5 млн чел.) — 12,3. На

этом фоне объем товарооборота с Польшей (38 млн чел.), приблизительно в 7 раз превосходящей Финляндию по населению, выглядит довольно скромно — 17,9 млн долларов [См.: Population... Экспорт и импорт...].

* * *

Сформированная на протяжении десятилетий польскими пропагандистами и политиками картина прошлого укрепилась в умах нескольких поколений поляков и создала культурные коды, существование которых, с учетом развития современных информационных технологий, продлится долгие годы. Именно они будут определять облик других стран на международной политической арене, двусторонние отношения, направлять внутреннюю и внешнюю политику. Вслед за ментальным отдалением друг от друга может последовать геополитическое противопоставление России и Польши, чье сконструированное «историческое» противоборство будет восприниматься как явление закономерное и естественное.

Напрашиваются вполне очевидные аналогии между агрессивной внешней политикой Польской Республики межвоенного периода и современным этапом. Накануне Второй мировой войны Польша поссорилась со всеми своими соседями, получив дурную репутацию «гиены Европы», как назвал ее У. Черчилль. Агрессивная внешняя политика Варшавы тогда привела ее к дипломатической изоляции и краху государственности. Сейчас Польша наступает на те же грабли. Короткая и избирательная историческая память польской элиты в итоге может привести к трагическим для европейской безопасности последствиям.

Литература

- Богоявленский Д.Д. Этнический состав населения и владение языками // Население России 2010–2011. Восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад. М. 2019.
- Бубнов А.Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. Т. 4.
- Бухарин Н.И. Россия — Польша: опыт двадцатилетних отношений: 90-е годы XX века — первое десятилетие XXI века. СПб. 2014.
- В Польше грозятся уничтожить русский флот — на Балтике // Репортер. 12.02.2019. — URL: topcor.ru/5859-v-polshe-grozjatsja-unichtozhit-russkij-flot-na-baltike.html
- В Польше снизят пенсии экс-сотрудников органов безопасности бывшей ПНР // РИА «Новости». 12.07.2016. — URL: ria.ru/20160712/1464640248.html?rcmd_alg=collaboration2 (дата обращения: 24.12.2019).
- В России стало больше бедных // Ведомости. 29.07.2019. — URL: vedomosti.ru/economics/articles/2019/07/29/807554-v-rossii-bolshe-bednih (дата обращения: 24.12.2019).
- Все, кто нажили непосильным трудом // Коммерсант. 12.04.2019. — URL: kommersant.ru/doc/3940397 (дата обращения: 24.12.2019).
- ВЦИОМ выяснил, сколько россиян примут участие в торжествах ко Дню Победы // РИА

- «Новости». 08.05.2018. — URL: ria.ru/20180508/1520103186.html (дата обращения: 24.12.2019).
- ВЦИОМ: 32% россиян знает, что 4 ноября отмечается День народного единства // РИА «Новости». 31.10.2019. — URL: ria.ru/20191031/1560421951.html (дата обращения: 24.12.2019.)
- Вяткин Я.* Польша бежит к пропасти? // Аргументы недели. 2022. № 39 (834).
- Вятр Е.* Польша — Россия: национальные интересы или историческая память? // Социологические исследования. 2013. № 3 (347). С. 3–14.
- Договор между Российской Федерацией и Республикой Польша о дружественном и добрососедском сотрудничестве (Москва, 22 мая 1992 г.) // Гарант.ру. — URL: base.garant.ru/2540869/ (дата обращения: 24.12.2020).
- Заявление Государственной Думы о Катынской трагедии и ее жертвах // Коммерсант. 26.11.2010. — URL: kommersant.ru/doc/1547722 (дата обращения: 24.12.2019).
- Источник: Минобрнауки утвердило три линейки учебников по истории для школ // ТАСС. 15.05.2015. — URL: tass.ru/obschestvo/1971333 (дата обращения: 24.12.2019).
- Как признавали Катынь // Коммерсант. 19.04.2010. — URL: kommersant.ru/doc/1354497 (дата обращения: 24.12.2020).
- Карнаухов Д.В.* Мифологема России/СССР в польской учебной литературе конца XX — начала XXI в. // Сибирский педагогический журнал. 2019. № 2. С. 128–137.
- Лыкошина Л.С.* «Историческая политика современной Польши» в контексте российско-польских отношений // Славянский альманах. 2015. №1–2. С. 170–179.
- Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы идентичности. М. 2015.
- Медведев передал Польше 67 томов уголовного дела по Катыни // РИА «Новости». 08.05.2010. — URL: ria.ru/20100508/232035687.html (дата обращения: 24.12.2020).
- Миллер А.И.* Россия: власть и история // Pro et contra. 2009. № 3–4 (46).
- Михник А.* Историческая политика. Российский вариант // Родина. 2006. № 6.
- Мчедлова М.М.* Религиозная ситуация в России и ее регионах // Этническое и религиозное многообразие России. М. 2018.
- Народное единство: мечта или реальность // ВЦИОМ. 31.10.2019. — URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=9978 (дата обращения: 24.12.2019).
- Президент: Учебники истории должны иметь единую концепцию // Российская газета. 25.04.2013. — URL: rg.ru/2013/04/25/uchebnik-anons.html (дата обращения: 24.12.2020).
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о захоронениях и местах памяти жертв войн и репрессий (Краков, 22 февраля 1994 г.) // Гарант.ру. — URL: base.garant.ru/71377910/ (дата обращения: 24.12.2020).
- Ставка Польше чем жизнь. Как Владимир Путин выступил с новой Мюнхенской речью // Коммерсант. 22.12.2019. — URL: kommersant.ru/doc/4205137 (дата обращения: 24.12.2019).
- Траба Р.* Польские споры об истории в XXI в. // Pro et contra. 2009. № 3–4 (46).
- Хантингтон С.* Третья волна демократизации в конце XX века. М. 2003.
- Экспорт и импорт России по товарам и странам // Ru-Stat. — URL: ru-stat.com/date-M201801-201810/RU/trade/PL (дата обращения: 24.10.2022).
- Яжборовская И.* Катынское дело: на пути к правде // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 22–35.
- Adamski Ł.* Czy Polska powinna otrzymać reparacje od Rosji? // Rzeczpospolita. 16.09.2019. — URL: rp.pl/Publicystyka/190919456-Czy-Polska-powinna-otrzymac-reparacje-od-Rosji.html (дата обращения: 24.12.2019).

- Antoni Macierewicz: powstanie walczyło z dwoma wrogami // tvp.info. 01.08.2017. — URL: tvp.info/33437160/szef-mon-na-temat-powstania-warszawskiego-i-reparacji-wojennych (date of access: 24.10.2022).
- Bieleń S.* Историческая память в польско-российских отношениях // *Stosunki międzynarodowe*. 2016. № 3 (t.52).
- Ciślak J.* Polska planuje gigantyczne wydatki na obronność w 2023 roku // *Defence 24*. 30.08.2022. — URL: defence24.pl/polityka-obronna/polska-planuje-gigantyczne-wydatki-na-obronnosc-w-2023-roku (date of access: 24.10.2022).
- Dlaczego przegramy wojnę z Rosją. Kraków. 2018.
- Jaki o reparacjach: Rosjanie też powinni ponosić odpowiedzialność // tvn24. 01.09.2017. — URL: tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju,3/jaki-o-reparacjach-rosja-tez-powinna-poniesc-odpowiedzialnosc,769190.html (date of access: 24.12.2019).
- O IPN// Instytut Pamięci Narodowej. — URL: ipn.gov.pl/pl/o-ipn/24154,O-IPN.html (date of access: 24.12.2019).
- Oficjalna nota dyplomatyczna ws. reparacji od Niemiec podpisana przez szefa MSZ // *polsatnews.pl*. 03.10.2022. — URL: polsatnews.pl/wiadomosc/2022-10-03/oficjalna-nota-dyplomatyczna-ws-reparacji-od-niemiec-podpisana-przez-szefa-msz/ (date of access: 08.10.2022).
- Petition to President Donald Trump for assisting Poland in obtaining war reparations from Germany and Russia. Created by C.K. // Polish American Congress. 18.02.2019. — URL: pac1944.org/latest-press/petition-to-president-donald-trump-for-assisting-poland-in-obtaining-war-reparations-from-germany-and-russia/ (date of access: 24.12.2019).
- Ponczek E.* Polityka wobec pamięci versus polityka historyczna: aspekt semantyczny, aksjologiczny i merytoryczny w narracji polskiej//*Przegląd politologiczny*. 2013. № 2.
- Population on 1 January // Eurostat. Last update: 11.07.2022. — URL: ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00001/default/table?lang=en (date of access: 24.10.2022).
- Powinniśmy się domagać reparacji wojennych również od Rosji. Wywiad z Tadeuszem Plużańskim // *Gazeta Polska*. — URL: gpcodziennie.pl/68743-powinnismy-sie-domagac-reparacji-wojennych-rowniez-od-rosji.html (date of access: 24.12.2019).
- Prezydent: osobiście nikogo nie obarczamy za wojnę // *Wiadomości*. 23.06.2007. — URL: wiadomosci.wp.pl/prezydent-osobiscie-nikogo-nie-obarczamy-za-wojne-6037086654337665a?amp=1 (date of access: 24.12.2019).
- “Przeszłość odkreślamy grubą linią”. Historyczne exposé Tadeusza Mazowieckiego z 1989 roku [TEKST] // *Wiadomości*. 28.10.2013. — URL: wiadomosci.gazeta.pl/wiadomosci/1,114871,14855740,_Przeszlosc_odkreslamy_gruba_linia___Historyczne_expose.html (date of access: 24.12.2019).
- Reparacje wojenne. Prezes PiS: Wartość polskich strat to ponad 6,2 bln zł // *Forsal.pl*. 01.09.2022. — URL: forsal.pl/swiat/aktualnosci/artykuly/8528043,reparacje-wojenne-prezes-pis-wartosc-polskich-strat-to-ponad-62-bln-zl.html#62-bln-zl (date of access: 08.10.2022).
- Rezolucja Parlamentu Europejskiego z dnia 19 września 2019 r. w sprawie znaczenia europejskiej pamięci historycznej dla przyszłości Europy // *Parlament Europejski*. — URL: europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_PL.html (date of access: 24.12.2019).
- Sroka T. Ł.* „Rozważania o krzywdzie”. Wątki polityki historycznej w publicystyce Adama Michnika // *Państwo i Społeczeństwo*. 2008. № 2. P. 134–140.
- Szczyńska A., Miziołek J.* Andrzej Duda dla „Wprost”: Nie boję się Trybunału Stanu. Żadnej decyzji bym nie zmienił // *wprost*. 15.09.2022. — URL: wprost.pl/kraj/10859638/andrzej-duda-dla-

wprost-nie-boje-sie-trybunalu-stanu-zadnej-decyzji-bym-nie-zmienil.html (date of access: 08.10.2022).

Ustawa z dnia 11 kwietnia 1997 r. o ujawnieniu pracy lub służby w organach bezpieczeństwa państwa lub współpracy z nimi w latach 1944–1990 osób pełniących funkcje publiczne. — URL: prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU19970700443 (date of access: 24.12.2019).

Ustawa z dnia 14 grudnia 2017 r. o zmianie ustawy o zakazie propagowania komunizmu lub innego ustroju totalitarnego przez nazwy jednostek organizacyjnych, jednostek pomocniczych gminy, budowli, obiektów i urządzeń użyteczności publicznej oraz pomniki oraz ustawy o zmianie ustawy o zakazie propagowania komunizmu lub innego ustroju totalitarnego przez nazwy budowli, obiektów i urządzeń użyteczności publicznej. — URL: prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20170002495/O/D20172495.pdf (date of access: 24.12.2019).

Wspólny projekt rezolucji // Parlament Europejski. 18.09.2019. — URL: europarl.europa.eu/doceo/document/RC-9-2019-0097_PL.html (date of access: 24.12.2019).